

Владимир Кулаков
(Москва)

ЯНТАРЬ — ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В ИСТОРИИ ЭСТИЕВ И ПРУССОВ

Показывается, что в истории ранних балтов (эстиев и пруссов) янтарь являлся важнейшим торговым средством, в обмен на которое они получали необходимые товары из Европы. В этих условиях янтарь сыграл двоякую роль: с одной стороны, стимулировал торговые связи балтов с другими народами, с другой — тормозил их собственное культурное и технологическое развитие. Выдвигаемые положения автор подтверждает археологическими данными.

Ключевые слова: археология, Балтийский регион, культура, торговля, янтарь.

Прибрежная зона юго-восточной Балтии со времен олигоцена скрывает под толщей грунта крупнейшее месторождение янтаря-сукцинита, содержащее примерно 98 % запасов янтаря на всей нашей планете. На протяжении последних двух столетий этот факт неоднократно привлекал внимание не только геологов и географов, но и историков. Рассмотрим результаты их исследований по интересующей нас теме в хронологическом порядке.

Еще в начале XX века прусские археологи обратили внимание на весьма редкие находки на западнобалтских кремациях V века н. э. (могильник Bogdainen/Bogdany, woj. Warmińsko-Mazurskie Polski) — несожженные янтарные ожерелья [23, с. 48; 18, с. 281]. В урновых кремациях

циях рядовых общинников Самбии характерными подношениями в III–IV веках н. э. были кусок янтаря и бронзовые монеты Траяна и Марка Антония, то есть объект янтарной торговли и ее результат [20, с. 395]. Традиция заупокойных приношений, возникнув у эстиев (так германцы называли предков пруссов и, возможно, ранних пруссов тоже [32, с. 177, 178]) в начале нашей эры, доживает в земле пруссов до середины XVIII века [28, с. 19, 20].

Шведский историк Стуре Болин собрал данные о кладах римских монет, в которых были депонированы те богатства, которые эстии получали из римских провинций в обмен на свой янтарь. Выяснилось, что основной массив монет в кладах (83 % от общего числа нумизматических находок) происходит из Самбии [18, с. 221–224]. Х.М. Наварро в межвоенный период доказал, что янтарь поступал в Южную Европу из Самбии уже в эпоху гальштата (ранний железный век) [30, с. 497–500]. Янтарная торговля в VI веке н. э. вызвала к жизни мазурскую культурную группу в западной части Мазурского Поозерья [15, с. 40; 34, с. 58]. В эпоху викингов эта торговля шла через упоминавшийся английский купцом Вульфстаном торговый пункт Трусо [34, с. 282].

Кёнигсбергский археолог В. Ла Бом выяснил, что самбийский янтарь отличается самой высокой концентрацией кислотных соединений: от 59 до 76 % [26, с. 11]. Этот янтарь, как считал Фр. Ханчар, поступал в эпоху викингов на Северный Кавказ [22, с. 150]. Балтские торговцы янтарем активно конкурировали со скандинавскими купцами на исходе эпохи викингов. Побочным результатом этого стало в 1187 году разрушение шведской Сигтуны [17, с. 271–274].

Суммируя в послевоенное время знания о роли янтаря в обществе западных балтов, Мария Гимбутене (Гимбутас) назвала эпоху римского влияния в Балтии (II–V века н. э.) «золотым веком» балтов (эпоха «первобытного феодализма»), процветание которых зиждилось в тот период на янтарной торговле с римскими провинциями [21, с. 109]. Зона влияния балтских племен в начале I тыс. н. э. была, по мнению М. Гимбутене, второй в Европе после Рима.

Однотипность янтарных бусин Старой Ладogi и городов Польского Поморья во второй половине IX–X веков [1, с. 121] позволяет предполагать общность происхождения этих украшений.

В.Н. Дряхлов считал, что по Вислинскому янтарному пути – основной торговой трассе, связывавшей Самбию с античным Средиземноморьем, – в Балтию пришла идея использования токарного станка при изготовлении янтарных бусин. Более того, находимые в могилах эстиев янтарные бусины, как полагал вятский коллега, могли выполнять функцию разменной монеты [2, с. 143].

На исходе XX века шведский археолог К. Андерсон пришел к выводу о том, что поток римских монет (в обмен на янтарь и прочие товары севера Европы) шел в Южную Скандинавию из Паннонии по Вислинскому пути и к V веку оседал в виде кладов на юге полуострова Ютланд, на островах Зеланд и Фюне [16, с. 106].

Советский классик археологической скандинавистики Глеб Сергеевич Лебедев, характеризуя балтийскую торговлю VIII—IX веков, ее товарной основой считает стеклянные бусы и диргемы, ни слова не говоря о янтаре-сырце и/или о янтарных изделиях [10, с. 85]. В современной этой работе польской историографии, напротив, янтарь рассматривается как занимающий важное место в торговле западных славян со скандинавами эпохи викингов [29, с. 157].

В конце XX века интерес у археологов Польши и России к выявлению роли янтаря в жизни западных балтов резко возрос. Войцех Новаковский из Варшавы собрал максимально полную сводку римских импортов, поступивших в обмен на янтарь в юго-восточную Балтию [31, с. 5—75]. Марк Борисович Щукин определил эстиев, которые, согласно Плинию Старшему и Тациту, собирали янтарь и торговали им, как венедов Птолемея [14, с. 206]. Установлено также, что до начала нашей эры основным поставщиком янтаря в Южную Европу были обитатели полуострова Ютланд [13, с. 35]. В последующий период активно действовал Вислинский янтарный путь, великолепно изученный Ежи Веловейским [36, с. 157]. Этот путь начинался на Самбии (для V века н. э. — на ее северном побережье) и завершался в Северной Италии близ города Аквилея, имперской янтарной мастерской. Ведущая роль янтаря в истории эстиев, включая установленные при помощи некоего «янтарного дара» дипломатические отношения с восточно-готским королем Италии Теодорихом, была показана в работе [4, с. 164—171]. По отношению к эпохе викингов доказано на основе анализа большого количества памятников археологии наличие Неманского янтарного пути [9, с. 116]. Основными действующими лицами на этой трассе межэтнической торговли были пруссы и курши (или скальвы).

Анализ имеющихся данных позволяет выделить две важные функции янтаря в жизни западных балтов доорденской поры. Он являлся продуктом межэтнической торговли и объектом обработки, одновременно представляя собой важный (если не определяющий) фактор в развитии материальной культуры эстиев и пруссов. Иными словами, торговля янтарем, внешне приводившая к его отсутствию в материальной культуре коренных обитателей Янтарного берега, тем не менее оставляет заметный след во многих сторонах их жизни.

Первая, базовая функция янтаря как объекта торговли и обработки отмечена в письменных свидетельствах Плиния Старшего и Тацита. Последний писал: «Они (эстии) также обыскивают и море и одни из всех на его отмелях и даже на самом берегу собирают янтарь... Но какова его природа и откуда он берется, они, будучи варварами, не доискиваются... Он даже долго валялся у них (без употребления) среди других отбросов моря, пока наша страсть к роскоши не создала ему славы. Сами же они его совсем не употребляют. Собирается он в грубом виде, приносится на (рынок) без всякой отделки, и они получают за него плату с удивлением» [12, с. 372]. В I веке н. э. эстии Самбии эту плату могли получать предметами римского обихода, даже деталями снаряжения легионеров, в том числе от римлян, оказавшихся около 70 года н. э. на Самбии в составе миссии под предположительным руководством всадника Атилия Прима [25, с. 116]. В начале нашей эры янтарные украшения (в частности, грибовидные янтарные бусины) обнаруживаются в Балтии лишь в погребениях с германскими чертами в инвентаре и обрядности. К IV–V векам н. э. эстии осваивают новейшие для того времени приемы обработки янтаря, включая не только токарный станок, но и бронзовые буры с мощным вращательным эффектом, кремневые резцы и миниатюрные оселки [6, с. 116]. На финальной фазе развития древностей и на заре прусской культуры урновые захоронения обитателей Самбии, как правило, сопровождаются, минуя погребальный костер, специфическими заупокойными подношениями (одиночными кусками янтаря или несколькими колотыми янтарными бусинами) и продуктом янтарной торговли (одиночными бронзовыми римскими монетами). Очевидно, указанные предметы составляли наиболее распространенную часть повседневного обихода автохтонов. В эпоху викингов, как показывают материалы грунтового могильника Kl. Каур, несожженные куски янтаря и серебряные западноевропейские монеты также присутствуют (хотя и крайне редко) в могилах пруссов [7, с. 97].

Вторая базовая функция янтаря связана с его ролью в истории пруссов как важного объекта торговых/обменных операций с окружающими Янтарный берег племенами и народами. Как правило, это янтарное сырье крайне редко сохранялось до наших дней в земле Самбии (например, он был найден в виде клада на могильнике «Гора Великанов»), поскольку отправлялся в различные уголки Европы. В середине I тыс. до н. э. среди древностей поздней фазы развития культуры западнобалтийских курганов начинают выделяться отдельные находки импортных деталей убора (сначала гривны, затем фибулы), полученных, скорее всего, в обмен на янтарь. Эти украшения

встречаются не только в курганах, но и в местах производства водных жертвоприношений — традиции, заимствованной балтами от германцев [26, с. 36]. Начиная с I века н. э. число импортных деталей убора в юго-восточной Балтии лавинообразно увеличивается, что свидетельствует об активном ходе янтарной торговли, с которой и связано поступление вещевых новаций к западным балтам [11, с. 16]. Даже комплексы конского снаряжения поставляются обитателям Самбии из кельтского ареала. Наличие этого снаряжения в группах могильников позволило высказать предположение о принадлежности его некой группировке всадников, имевшей отношение к проводу торговых караванов по Вислинскому пути [4, с. 83] (рис. 1).

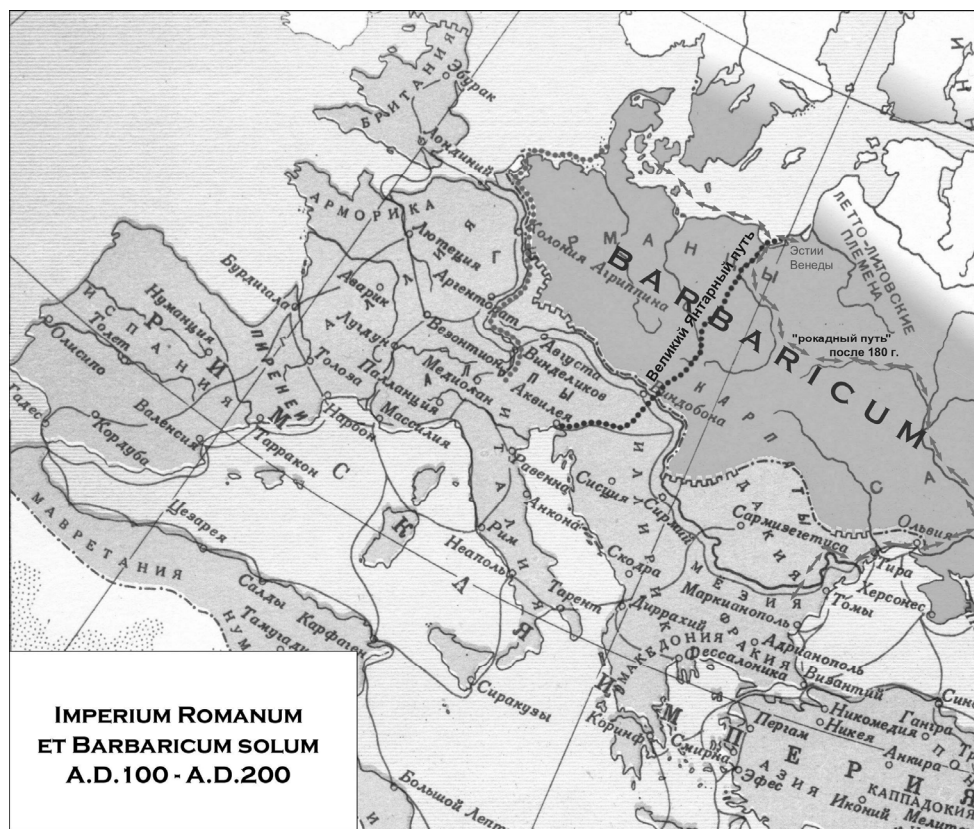

Рис. 1. Янтарные пути начала нашей эры

В конце II века н. э. обрядность на могильниках Самбии и ее ближайшей округи изменяется: растет число трупосожжений с внешней структурой в виде каменных конструкций и камней (Typ Merkstein),

появляются урны крупных размеров (Typ Grebieten), сосуды-приставки S-видной формы (Typ Dollkeim), трапециевидные кресала, биконические орнаментированные пряслица. Все эти черты связаны с приходом неких групп германского населения западного побережья Балтики. Их переход на противоположный берег моря, опосредованно отраженный в позднейшей легенде о Брутене и Видевуте, мог быть связан с поисками возможностей участия в янтарной торговле [6, с. 163]. Именно в их руках, судя по упомянутым выше четким признакам погребального обряда, в III–IV веках концентрировалась янтарная торговля Самбии, а не в руках неких "tribal nobility", как ошибочно высказался недавно К. Н. Скворцов [33, с. 85].

Фаза D₁ (первая половина V века н. э.) была ознаменована для юго-восточной Балтии появлением в восточной части дельты реки Вислы количественно небольшой группы разноэтничных воинов, упомянутых Йорданом как «видиварии» (древнегерм. «люди Видьи», известного позднее под именем «Видевут» [5, с. 49]). Появившиеся примерно в первом десятилетии V века н. э. в дельте Вислы и распространившиеся затем на восток, на Самбию, видиварии заложили основы прусской культуры, сформировавшейся к середине V века. Материальным маркером этого процесса являются фибулы со звездчатой ножкой, которые появились в земле эстиев/пруссков — Витланде — в результате скандинавского этнокультурного импульса (с переселенцами с Ютланда вместе с отрядами воинов, шедшими Вислинским путем на юг, к границам Империи или стремившимися принять участие в янтарной торговле). Они воспроизводили на века вошедший в сокровищницу духовной культуры балтов миф о солнце, отдыхающем в кроне дуба с серебряной листвой.

Вторыми и более поздними материальными свидетельствами деятельности видивариев (точнее, их второго поколения) в юго-восточной Балтии служат трехлопастные фибулы со звериными головами, ножи-кинжалы и трехлопастные наконечники стрел гуннского образца. Находки последних лет показывают стремление видивариев и в целом носителей ранней прусской культуры в конце V — начале VI века распространить от Самбии свое влияние в Понеманье, что способствовало развитию Неманского и Восточного торговых путей, окончательно сформировавшихся в эпоху викингов. Итогом подобных «инициатив» видивариев стало создание торгового пути «Sambia-Virumaa» (рис. 2), примерно в 475–700 годах пролежавшего как по рекам Балтии, так и по морю вдоль его побережья. Важным, если не основным, продуктом торговли по этому пути стал янтарь [8, с. 33].

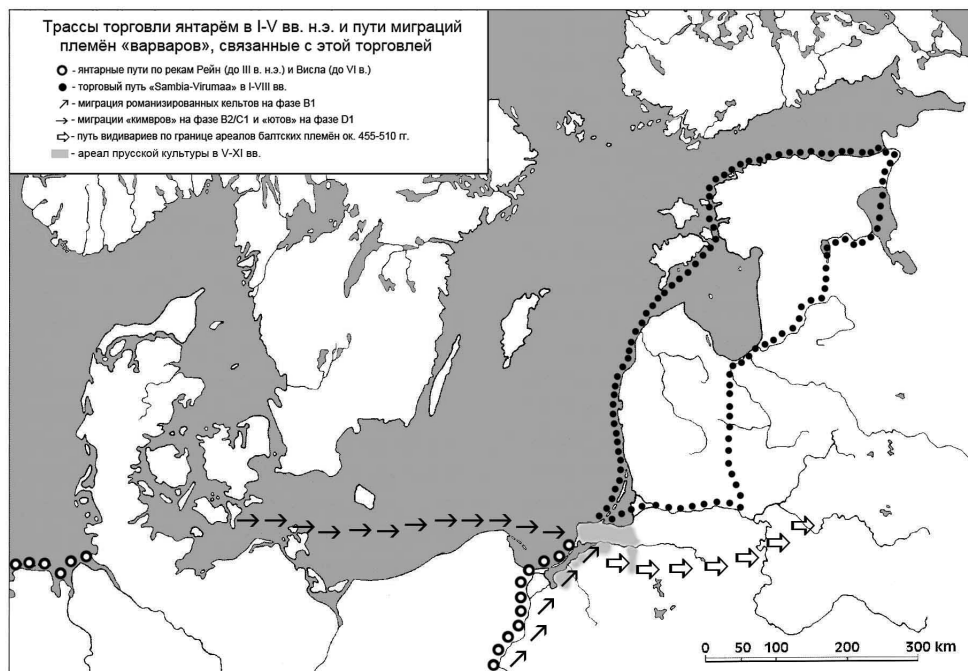

Рис. 2. Пути торговли янтарем в I–V веках н. э. и миграций племен «варваров», связанных с этой торговлей

Блеск янтаря привлек в середине VI века н. э. к западной части Мазурского Поозерья, известной своими янтарными месторождениями, взоры обитателей Тисско-Дунайского междуречья. Налаживая в эпоху Аварского каганата прерванные гуннами контакты по Вислинскому янтарному пути, группы гепидов, лангобардов, имевшие в своем составе, судя по находкам «антских» пальчатых фибул, и некоторое количество славян, сформировали общность, известную археологам как «мазурская культурная группа» [3, с. 174, 175].

В начале VIII века на Балтии начинается эпоха викингов, ознаменованная активным включением в процессы, связанные с янтарем, групп северных германцев и западных славян. Многочисленные находки, сделанные Марком Ягоджиньским на поселении *Janów Pomorski* (koło Elbląga, Polska), позволили доказать присутствие упомянутых групп на данном торгово-ремесленном поселении и идентифицировать его как торговый пункт Трусо, упоминавшийся в конце IX века Вульфстаном. Полиэтническое население Трусо торговало янтарем и обрабатывало его, аккумулируя, в том числе в кладах, плату за янтарь в виде арабских диргемов [24, с. 133–136, 149].

Позднее, в начале IX века, возле основания Куршской косы вблизи прорезавшего ее пролива Брокист возникло новое торгово-ремесленное поселение Кауп. Оно становится важным звеном Неманского торгового пути, по которому янтарь-сырец поставлялся на восток, ему навстречу шли из Восточной Европы древнерусские товары, среди которых наиболее массовой категорией были шиферные пряслица. Все это засвидетельствовано многочисленными находками в нижнем течении реки Неман [9].

В целом роль янтаря в истории эстиев и пруссов можно определить следующим образом. Природа оделила эти народы, обитавшие на Янтарном берегу, бесценным сокровищем. Как свидетельствует Тацит, первоначально янтарь не привлекал внимание эстиев. Лишь крайне высокий интерес к нему со стороны носителей античной цивилизации сделал его к III веку н. э. заметной деталью местной материальной культуры (прежде всего он использовался в заупокойных подношениях). Важно отметить, что эта культура формировалась не только западными балтами, но и жившими в их среде группами древних германцев. В обмен на янтарь все они получали из Южной и Западной Европы разнообразные материальные новации, прежде всего детали убора (фибулы, браслеты) и монеты как возможный источник бронзового сырья.

Данный процесс, в основе которого лежала экстенсивная (и в социальном, и в производственном отношениях) добыча янтаря, не способствовал развитию социальной структуры западнобалтского общества. Исключение составило, пожалуй, лишь появление в земле пруссов первой в Балтии профессиональной дружины (к середине V века н. э.).

Эстиям, а вслед за ними и пруссам, не было необходимости развивать прогрессивные для тех времен предметы металлообработки и в сельском хозяйстве. Эти предметы появлялись в их среде в результате янтарной торговли. Исключение — керамическое производство. Правда, судя по отпечаткам пальцев на сырой глине, их в первой половине I тысячелетия изготавливали в домашних условиях женщины. Прогресс в прусской керамике отмечен лишь в эпоху викингов, когда на Янтарном берегу распространяются раннегончарные сосуды западнославянских типов — очевидный продукт торговли или же принудительного труда пленных.

Таким образом, янтарь сыграл в историческом развитии части западных балтов — эстиев и пруссов — такую же роль, как и природные богатства у ряда других народов: золота и серебра у майя и ацтеков, золота у кельтов Южной Галлии, алмазов у готтентотов и зулусов

Южной Африки. Во всех случаях такого рода носители традиционных культур не были в состоянии использовать месторождения драгоценных камней и металлов для развития собственных социальных и производственных сфер. Поэтому закономерным стало завоевание ареалов этих народов соседними более высокими цивилизациями. Так, римляне Юлия Цезаря захватили золотоносную Галлию, испанцы Фернана Кортеса — Мексику, Франсиско Писарро — Перу. Кстати, награбленное в Америке золото не стало ускорителем слабо развитой испанской промышленности и все ушло в XVI веке соседней Франции в обмен на товары. Разграбление Америки не усилило Испанию, экономическая слабость которой проявилась в потере голландских провинций — промышленного и торгового центра империи Габсбургов.

Данная модель развития реализовалась в раннесредневековую эпоху и на Янтарном берегу. Его богатства, которые не позволили занять лидирующее положение в обществе ни одной из социальных групп у пруссов (имеются в виду прежде всего дружина и жрецы-вайделоты), привлекли алчные взоры руководства Тевтонского Ордена. Уже в XIV веке захватившие землю пруссов крестоносцы установили жесткую монополию на добычу янтаря. Пруссы были устранены от владения естественными богатствами Балтии, потеряли политическую независимость и многие стороны своей самобытной культуры. В первую очередь к XVIII веку прекратилось широкое использование прусского языка, основы местной культуры. Началось исчезновение пруссов с исторической карты Европы.

Список литературы

1. Давидан О.И. Янтарь Старой Ладogi // Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1984. Вып. 25. С. 120—127.
2. Дряхлов В.Н. Янтарный путь // Вопросы истории. 1968. №10. С. 141—143.
3. Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V — начала VIII в. (по материалам раскопок 1878—1938 гг.) // *Barbaricum*. Warszawa, 1989. S. 148—274.
4. Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.
5. Кулаков В.И. Боги Видевута // *Letonica*. 2004. № 10. С. 36—64.
6. Кулаков В.И. Свидетельства обработки и торговли янтарем в археологии эстиев (I—V вв. н. э.) // Добыча и обработка янтаря на Самбии : тез. докладов международного симпозиума. Калининград, 2010. С. 160—165.
7. Кулаков В.И. Балтская часть могильника Кауп // *Archaeologia Lituana*. Vilnius, 2011. T. 12. С. 87—98.
8. Кулаков В.И. Пути янтарной торговли и миграция племен в I—V вв. н. э. в Южной Балтии // Торговые пути янтаря. Калининград, 2011. С. 25—34.

9. Кулаков В. И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград, 2012.
10. Лебедев Г. С. Русь и чудь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н. э.) // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 80–102.
11. Скворцов К. Н. Новые находки памятников римского времени на побережье Вислинского залива // *Stratum plus*. 2012. №4. С. 1–18.
12. Тацит К. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Соч. : в 2 т. Л., 1969. Т. 1. С. 353–373.
13. Шелов-Коведяев Ф. Д. Комментарий (к тексту Плиния Старшего) // Свод древнейших письменных сведений о славянах. М., 1991. Т. 1. С. 12–45.
14. Щукин М. Б. Янтарный путь и венецы // Проблемы археологии. 1998. Вып. 4. С. 198–208.
15. Andree K. Bernstein. Königsberg, 1937.
16. Andersson A., Herschend Fr. Germanerna och Rom. Uppsala, 1997.
17. Antoniewicz J. Niektóre dowody kontaktów słowiansko-pruskich w okresie wczesnośredniowiecznym w świetle źródeł archeologicznych // *Wiadomości archeologiczne*. 1966. Т. 22, zeszyt 3–4/ S. 228–275.
18. Bolin St. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreußen // *Prussia*, H. 26, 1926. S. 203–240.
19. Fromm L. Die Goten im Kreise Allenstein // *Unsere Heimat*, 1932. S. 281.
20. Gebauer E. Berichte über heidnische Gräber im Samlande. Т. I. Altertümliche Funde aus der Gegend von Medenau // *Neue Provinzialblätter*. Königsberg, 1848. Bd. 5. S. 394–396.
21. Gimbutas M. The Balts. L., 1963.
22. Hančar Fr. Kaukasische Sprossenfibeln // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1938. Bd. 12.
23. Hollack E., Peiser F. E. Das Gräberfeld von Moythienen. Königsberg, 1904.
24. Jagodziński M. Truso. Między Weonodlandem a Witlandem. Bydgoszcz, 2010.
25. Koulakov V. Les contacts entre la cote sud de la Baltique et Rome a l'époque de Neron // *Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et la haut Moyen-Age. Colloquia Pontica*. Leiden ; Boston ; Köln, 2000. Vol. 5. P. 29–35.
26. Kulakov W. Water sacrifices in the country of the Prussians (a code of data) // *Slavia Antiqua*. 2011. Т. 52. P. 33–58.
27. La Baume W. Zur Naturkunde und Kulturgeschichte des Bernsteins. Königsberg, 1935.
28. Lange E. R. Sterben und Begräbnis in Volksglauben zwischen Weichsel und Memel // *Beihefte zum Jahrbuch der Adalbertus-Universität Königsberg/Pr. Würzburg*, 1955. Bd. 15. S. 15–129.
29. Leciejewicz L. Słowianie zachodni i normanowie we wzajemnych stosunkach kulturowych we wczesnym średniowieczu // *Pomorania Antiqua*. Gdansk, 1981. Т. 10. S. 155–165.

30. Navarro J.M. Prehistoric routes between Northern Europe and Italy defined by the Amber Trade // Geographical Journal. 1925. Vol. 66. P. 489–502.

31. Nowakowski W. Rzymskie importy przemysłowe na terytorium zachodnio-bałtyjskiego kręgu kulturowego // Archeologia. T. 34. S. 5–75.

32. Powierski J. Najdawniejsze nazwy etniczne z terenu Prus i niektórych obszarów sąsiednich // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. Olsztyn, 1965. Z. 88. S. 174–179.

33. Skvortsov K.N. The Formation of a Sambian-Natangian culture patrimonial elite in the Roman period in the context of the amber trade // Archaeologia Baltica. Klaipeda, 2012. Vol. 18. P. 167–191.

34. Werner J. Archäologische Zeugnisse für merowingische Handel in Ostpreussen // Germania, Berlin, 1933. Jahrb. 17. H. 4. S. 279–285.

35. Werner J. Eine ostpreußische Bügelfibel aus dem Hennegau // Germania, Berlin, 1951. Jg. 29, H. ½. S. 56–68.

36. Wielowiejski J. Główny szlak bursztyniowy w czasach cesarstwa rzymskiego. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1980.

Vladimir Kulakov

AMBER AS AN ECONOMIC AND CULTURAL PHENOMENON IN THE HISTORY OF THE AESTI AND PRUSSIANS

This article emphasises that, in the history of the early Balts (the Aesti and Prussians), amber was a principal means of trade that was exchanged for necessary goods from Europe. In these conditions, amber played a dual role: on the one hand, it stimulated trade connections between the Balts and other peoples, on the other hand, it decelerated their own cultural and technological development. The author's assumptions are corroborated by archaeological data.

Key words: *archaeology, Baltic region, culture, trade, amber.*